

*Ростокинский А.В. – доктор юридических наук,
профессор, старший научный сотрудник
Центра изучения экстремизма и радикализма
при Московском экономическом институте.*

О прогнозах и результатах юридических «побед» над фашизмом

Аннотация: В статье анализируются системные недостатки положений административного законодательства об ответственности за пропаганду и публичное демонстрацию атрибутов и символики нацистских организаций в России, динамика и общие закономерности практики его применения. Автором делается вывод о том, что комплекс системных недостатков норм, в частности, политизированность, использование неюридической терминологии, неопределенность отношений пропаганды и демонстрация, приводят к массовым ошибкам и произвольному усмотрению при квалификации деяний, формально подпадающих под признаки правонарушений, и к нарушениям прав лиц, привлекаемых к административной ответственности.

Ключевые слова: административная ответственность, атрибутика, символика, нацизм, фашизм, пропаганда, публичное демонстрация.

Alexander Rostokinsky

About forecasts and results of legal “victories” over fascism

Absrtact: The article analyzes the systemic shortcomings of the provisions of administrative legislation on responsibility for propaganda and public display of attributes and symbols of Nazi organizations in Russia, the dynamics and general patterns of its application practice. The author substantiates the conclusion that the complex of systemic shortcomings of the norms, in particular, politicization, the use of non — legal terminology, the uncertainty of the relations of propaganda and demonstration, lead to mass errors and arbitrary discretion in the qualification of acts that formally fall under the signs of offenses, and to violations of the rights of persons brought to administrative responsibility.

Key words: administrative responsibility, attributes, symbols, Nazism, fascism, propaganda, public demonstration.

Проблемы систематизации законодательных норм о противодействии экстремистской деятельности, придания данной системе большей логической и правовой стройности, устранения внутренних противоречий и пробелов побуждают еще раз обратиться к особенностям конструирования института административных правонарушений в сфере противодействия экстремизму и складывающейся практики применения данных норм. Такие проблемы целесообразно рассмотреть на примере состава правонарушения, которое закреплено ст. 20.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ). Оно заключается в пропаганде и публичном демонстрация нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций¹.

Еще в период принятия ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», с соответствующими дополнениями Уголовного кодекса и КоАП РФ, автором этих строк с коллегами высказывались предостережения

¹ Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г № 195-ФЗ (в ред. ФЗ от 26 мая 2021 г) // Справочная система «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/12125267> (дата обращения: 01.06.2021).

против использования в антиэкстремистском законодательстве терминов с неопределенным содержанием: «пропаганда», «нацизм», «атрибуты и символы», «степень смешения», «символика союзников» [нацистов]. При этом легальное определение последних, как организаций, признанных преступными в соответствии с актами Нюрнбергского международного трибунала (1946 г.) вовсе не гарантирует единообразного понимания объективных и субъективных признаков состава данного правонарушения.

В силу целого ряда иных недостатков законодательной конструкции допускается произвольно широкое усмотрение при толковании данных норм, вплоть до объективного вменения состава правонарушения лишь по признакам опубликования, либо размещения в любом общедоступном месте, сети Интернет и т.п. различных материалов, лишь формально подпадающих под признаки «атрибутики и символики» [1].

Во-первых, преследование за какую-либо символику в принципе слабо соответствует принципам плюралистического и демократического общества. Не случайно подобные запреты встречаются, в основном, в законодательстве государств, побежденных во Второй мировой войне. Но и там они связываются с антиконституционным характером (преступностью, запретом деятельности и т.п.) деятельности тех организаций, которые выступали носителями либо обладателями соответствующей символики и атрибутики. В этом заключается вред последних для всего общества, оскорбление памяти погибших, провокация возмущений и волнений, а не в исторических, художественных, магических и т.п. свойствах символов и атрибутов.

Во-вторых, круг организаций, признаваемых экстремистскими в соответствии с российским законодательством, включая те, деятельность которых запрещена в РФ в соответствии со вступившими в законную силу решениями судов, значительно шире указанных выше нацистских, неонацистских, фашистских и т.п. организаций. Как, в таком случае, надлежит квалифицировать использование атрибутов и символики подобных объединений?

Следует отметить, что отечественное законодательство вообще не знает легального определения нацизма (национал-социализма), а равно и фашизма, следовательно, отсутствуют и легальные критерии разграничения фашизма и антифашизма, «правого» и «левого» социализма, «простых» националистов с «имперским», бело-желто-черным триколором и «нациствующим» под красным флагом с черными серпом и молотом в белом круге² и т.п.

Очевидно, в данном случае запрет на деятельность организации должен каким-то образом распространяться и на использование соответствующей символики. Но не любой, а именно связанный с продолжением или возобновлением деятельности данной организации, либо ее части (отделения, филиала), создания подобной организации и т.п.

В-третьих, нацистские (фашистские, союзные им во Второй мировой войне) организации не обладают, да и никогда не обладали, ни авторским, ни каким-то еще исключительным правом на использование большинства атрибутов и символов, воспринимаемых ныне как «нацистские» или «фашистские», включая, тем более, все, «сходные до степени смешения». Например, солярный знак, более известный как четырехконечная и четырехугольная свастика, как символ индуистской религии, эмблема вооруженных сил Республики Финляндия с 1918 г. (как и некоторых частей РККА!) и символ Германской империи 1933–1945 гг. (нацистов) – далеко не одно и то же. Что говорить о таких символах, как кельтский крест, римский орел, подобный тем, что украшают решетку Александровской колонны в г. Санкт-Петербурге. А еще на многих оградах, выполненных в стиле ампир, в обеих столицах сохранились стилизованные изображения фасцов (фашины), пучков прутьев с воткнутыми в них топориками. Этот античный символ в начале XX в. присвоила партия Б. Муссолини в Италии...

² Символика Национал-большевистской партии, деятельность которой запрещена на территории РФ в соответствии со вступившим в законную силу решением суда.

Вероятно, если мы признаем акты Нюрнбергского, Токийского и ряда др. международных трибуналов по военным преступлениям стран Оси частью российского законодательства, т.е. как акты международного права, тогда запрет деятельности организаций, признанных этими судами преступными, должен распространяться и на использование атрибутов и символики, но лишь в связи с преступной и запрещенной деятельностью нацистских, фашистских и иных соответствующих организаций.

В-четвертых, далеко не все организации, использовавшие атрибуты и символы именно в качестве нацистских (фашистских, милитаристских и т.п.) знаков идентификации, признаны преступными в Нюрнберге, как например, германский вермахт и кригсмарине (1933–1945 гг.). А равно не все атрибуты и символы, использовавшиеся преступными организациями, например, гитлеровскими союзниками и приспешниками из числа советских граждан и бывших подданных Российской империи, могут быть предметами законодательного запрета, как, в частности, бело-сине-красный триколор, или «андреевский» (голубой диагональный) крест на белом фоне, золотая звезда с оранжево-красным обрамлением, оранжево-черная орденовая лента и т.д.

В-пятых, совершенно неопределенным, скорее, бесконечным по объему, остается понятие «атрибут», как более общее по отношению к «символике». Достаточно давно уважаемыми коллегами высказывались следующие предложения: «С целью обеспечения исчерпывающего государственного преследования за любые формы демонстрации элементов субкультуры фашизма целесообразно сформулировать ...запрет пропаганды и публичного демонстрирования не только нацистской атрибутики и символики, но и ритуалов»³. Однако, легко заметить, что в данный перечень можно без труда «втиснуть» любые элементы субкультуры, особенно, когда они идеологически и эмоционально окрашенные: образы «вождей», мифологию, песни-марши, приветствия, празднества, а равно с ними и материальные атрибуты (форму одежды, элементы амуниции, вооружения и т.п.). В самом деле, чем танк «Тигр» или бронетранспортер «Напомар» не атрибуты нацистской агрессии? Может быть, дело в **контексте и целях** использования конкретным субъектом того или иного образа?

Отчасти, законодатель попытался указать выход из неизбежно возникающих информационно-геральдических «дебрей», закрепив в диспозиции ст. 20.3 КоАП РФ конструкцию «пропаганда и публичное демонстрирование» в качестве обязательных базовых элементов деяния и умысла виновного, а также примечание, следующего содержания: «... Действие настоящей статьи не распространяется на случаи использования фашистской символики при проведении антифашистских публичных мероприятий, в антифашистских художественных или научных публикациях, других материалах». Однако, это, к сожалению, вовсе не прибавило ясности.

Как разъяснили специалисты кафедры судебных экспертиз Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, законодатель использовал для связи понятий «пропаганда» и «публичное демонстрирование» соединительный союз «и». Порядок употребления терминов таков, что «пропаганда» находится в сильной, приоритетной позиции по отношению к термину «публичное демонстрирование». Лингвистически это означает, что само по себе публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики без целей пропаганды не является проявлением экстремизма. По заключению экспертов, «использование нацистской и сходной с ней до смешения атрибутики/символики в исторических, научных и т.п. целях признается допустимым»⁴.

При этом, самим КоАП не было предусмотрено сочетание пропаганды – тенденциозного информирования, своеобразной рекламы, намеренного создания у

³ Скудин А.С. Правовые меры противодействия экстремизму. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 14–15.

⁴ Разъяснение Федеральной службы в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 15 апреля 2015 г. Цит. по: Дергачев В., Винокуров А. Экстремизм до степени смешения // Газета.ру, 2016. 5 мая. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2016/05/04_a_8211929.shtml (дата обращения: 01.06.2021).

аудитории позитивного образа пропагандируемого лица, группы, организации или предмета, – с демонстрацией нацистской атрибутики и символики как обязательного элемента состава правонарушения.

Формально, в строгом согласии с буквой закона, для совершения правонарушения оказалось достаточно наличия лишь одного из этих действий. С учетом неопределенно сформулированной законодателем субъективной стороны правонарушения, правоохранительные органы и суды начали практиковать фактически объективное вменение состава деяния, а в их деятельности все более возобладали черты очередной компанейщины.

Если в 2007 г. суды рассмотрели всего 101 подобное административное дело (причем 30 из них прекратили, на 29 чел. наложили штраф, 11 были арестованы) то за следующие 9 лет (2008–2017 гг.) число дел о демонстрации нацистской символики в России выросло в 14 раз, количество решений о наложении штрафа за данные проступки – в 37 раз, об административном аресте – в 11 раз. При этом, если в 2008 г. к ответственности по ст. 20.3 КоАП были привлечены 54 чел., в 2013 г. – 256, то в 2015 г. – уже 1183, а в 2018 г. – 1639⁵.

В качестве основного наказания применяется штраф в размере до 2 тыс. руб. или до 2,5 тыс. руб. в случае сбыта продукции с запрещенной символикой. Вместе с тем, применяется и административный арест на срок до 15 суток (в 2016 г. – к 221 лицу, в 2017 г. – к 130, в 2018 г. – к 92). Кроме того, в 2018 г. по этой статье привлекли к ответственности два юридических лица, пять должностных лиц и четверых индивидуальных предпринимателей, по 117 делам суды вынесли решения о конфискации продукции.

Практика показывает, что при рассмотрении дел по материалам о правонарушениях, предусмотренных ст. 20.3 КоАП, в судах, с момента введения в действие данных законодательных новелл, почти не учитывались ссылки на отсутствие умысла, контекст, исторические события и артефакты, художественные образы, противоположный смысл и цели, и т.д. В частности, доступ к персональной странице обвиняемого в сети Интернет неограниченного круга лиц однозначно расценивался как продолжающаяся демонстрация. Возражения, что «это [публикация, размещение] было сто лет назад», «у него всего три просмотра и один лайк», «это закрытая группа» судами в разной форме также игнорировались. Поэтому пользователи социальных сетей начали массово удалять любые изображения со «спорными атрибутами», включая фото из архивов своих публикаций за 2–3 года.

Показательным для характеристики складывавшейся практики стало дело гражданской активистки из Краснодара, которую в сентябре 2015 г. суд признал виновной в совершении правонарушения за пост с карикатурой Кукрыниксов и фотографию с Парада Победы 1945 г., на которой советские воины бросают к ступеням Мавзолея фашистские знамена. Студента из Ставрополя в марте 2018 г. суд арестовал на три дня за то, что он скопировал «ВКонтакте» запись о Музее Второй мировой войны в Польше. На фото музейных артефактов оказалась свастика. В том же году суд в Пермском крае оштрафовал местного жителя за то, что он выложил у себя «ВКонтакте» кадр из фильма «17 мгновений весны». Житель г. Омска был подвергнут штрафу за видео со свастикой, которое было показано по «Первому каналу» российского телевидения. При этом обвиняемый добавил данный ролик в видеозаписи «ВКонтакте» еще в 2010 г. За это время пользователи смотрели его 4 раза⁶.

Вскоре уже целый фестиваль исторической реконструкции оказался «под подозрением». Его участников подвергли штрафам за орнаменты на самодельных сувенирах, изображающих средневековые обереги. Орнаменты тоже напоминали свастику, «до степени смещения»⁷. Производители и продавцы детских игрушек и стендовых моделей

⁵ Здесь и далее цит. по: <https://tass.ru/obschestvo/6401711> (дата обращения: 01.06.2021).

⁶ Цит. по: <https://ngs55.ru/text/incidents/2019/04/12/66051784/> (дата обращения: 01.06.2021).

⁷ Цит. по: <https://ovdinfo.org/express-news/2016/10/31/uchastnikov-festivalya-oshtrafovali-za-napominayushchie-svastiku-ornamenty> (дата обращения: 01.06.2021).

тоже оказались в затруднительном положении после возбуждения дела в связи с изъятием в одном из столичных магазинов коллекционных бюстов германских военных эпохи Второй мировой войны.

В ряде других случаев, получивших большой общественный резонанс, «пропагандой» признавались действия общественных активистов, размещавших исторические документы (фотографии периода войны, архивные документы), изображения действующих политиков периода сотрудничества тех с организациями, деятельность которых ныне запрещена в России (фото- и видеодокументы), различные фотоколлажи, графически измененные изображения известных памятников, как городские символы (редактированные изображения) и др. Характерный пример: в 2016 г. активист одной из общественных организаций был привлечен к административной ответственности по статье 20.3 КоАП. При этом прокурор просил суд арестовать его на 15 суток, ссылаясь на повторность допущенного им правонарушения. В одном фотоколлаже антифашистского содержания, скопированном им еще в сентябре 2014 г., было не без усилий обнаружено изображение свастики размерами 3–4 мм⁸.

Ни указанное выше Разъяснение Роскомнадзора, ни последующие разъяснения Верховного Суда РФ о необходимости учета прямого умысла виновного и целей пропагандирования идеологии нацизма и/или деятельности нацистских организаций при демонстрации или размещении чего-либо в публичном доступе⁹, не смогли реально повлиять на правоприменительную практику. Потребовалось внесение специального разъяснения в ст. 20.3 КоАП ФЗ от 1 марта 2020 г. № 31-ФЗ: «Положения настоящей статьи не распространяются на случаи использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии».

Таким образом, выбор криминологически необоснованных приоритетов, нагромождение в законе неюридической терминологии, политизированные оценки объективных признаков деяния при полной неопределенности отношений целей пропаганды и демонстрации – все это приводит к произвольному усмотрению при квалификации деяний, формально подпадающих под признаки правонарушений, и к нарушениям прав лиц, привлекаемых к административной ответственности.

Список литературы:

1. Ростокинский А.В., Чурилов С.Н. О новых юридических «победах» над фашизмом. *Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки»*, 2012, № 2, сс. 70–73.

References:

1. Rostokinskii A.V., Churilov S.N. O novykh yuridicheskikh pobedakh nad fachizmom. *Vestnik MGPU. Seriya "Yuridicheskie nauki"*, 2012, № 2, сс. 70–73. (In Russ.) [Rostokinskii A.V., Churilov S.N. On new legal "victories" over fascism. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series "Legal Sciences"*, 2012, no. 2, pp. 70–73.]

Об авторе:

Ростокинский Александр Владимирович – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник Центра изучения экстремизма и радикализма при Московском экономическом институте. Москва, Россия. E-mail: arostokinskiy@yandex.ru.

⁸ Цит. по: <https://memepedia.ru/bastrykin-s-lupoj/> (дата обращения: 01.06.2021).

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» № 11 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 сентября 2018 г. № 32) // Справочная система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307089/; Российская газета. 2011. 4 июля.

About author:

Rostokinskii Alexandr Vladimirovich – doctor of juridical sciences, professor, senior researcher of the Center for the study of extremism and radicalism at the Moscow institute of economics. Moscow, Russia. E-mail: arostokinskiy@yandex.ru.